

УДК 93(470.6)

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ СЕВЕРНОГО КAVKAZA В 1920-х гг.

© 2010 Х.Б. Мамсиров

Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, г.Нальчик

Поступила в редакцию 18.09.2010

В данной статье рассматриваются трудности реализации советской модели модернизации, выявление издержек и ошибок в формировании прямых и обратных связей этнического, регионального и унификационного характера при подготовке административно-политической элиты в северокавказских автономиях в 1920-х гг.

Ключевые слова: модернизация, кадры, образование, интеллигенция

В последнем послании президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию модернизация определена главным стратегическим направлением деятельности руководства России в современных условиях. Одной из острейших проблем в движении по этому пути является нормализация ситуации на Северном Кавказе, ключ к которой лежит в преодолении клановости управления и социально-экономического кризиса в национальных республиках. В них следует модернизировать сложившуюся систему управления путем организации диалога между элитами, находя компромиссные варианты, выращивая в этих элитах нормальных профессионалов, готовых к грамотной деятельности.

Таким образом, Северный Кавказ приобретает особое значение и требует поиска новых идей, средств и методов научного осмысления. Являясь периферийным и интенсивно втягиваясь в процессы постсоветской модернизации и трансформации, он оказался в эпицентре сложнейших событий, процессов и обстоятельств¹.

Изучение конкретно-исторического опыта модернизации, проблем интеграции этнических обществ в индустриальное и постиндустриальное общество является достаточно сложной задачей. Многие причины нынешней ситуации лежат в практике советских преобразований 1920-1930-х гг. и в результатах их интерпретации гуманитарным знанием и, прежде всего, исторической наукой.

В конце 1920-х гг. в СССР произошла радикальная смена экономической политики, путей и форм общественного развития страны. Для успешного строительства социализма требовались поддержка большинства общества, эффективные механизмы экономической, социальной,

идеологической и культурной мобилизации. Погрузив страну в пучину страха и репрессий, мобилизовав всю партию, И. Сталин выковал новый тип людей: “Кадры, которые решают все”. Они и стали той решающей силой, которая в условиях жестко централизованной системы управления опиралась не на экономические, а на административные методы. Из их рядов рекрутировалась и формировалась новая административно-политическая элита.

Советский государственный социализм настойчиво строился в многонациональной стране. В этом проекте модернизации северокавказские народы пытались стать партнером новой власти. Анализ дискуссий выбора модели развития, путей и направлений модернизации, выявление издержек и ошибок в формировании прямых и обратных связей этнического, регионального и унификационного является особо актуальной задачей. Владение опытом минимизирует болезненность процесса, смягчает конфликт традиции с модернизацией.

Приход к власти большевиков поставил перед немногочисленной национальной интеллигенцией неизбежность политического, мировоззренческого выбора. Наместились две культурно-цивилизационные ориентации и взгляды на процесс модернизации представителей “арабской” и “русской” школы. Власть подходит к интеллигенции прагматично, воспринимая ее как “специалистов, труд которых имеет по преимуществу не мускульный, а мозговой характер”. Большевики протянули горской интеллигенции “оливковую ветвь” в виде автономии. Отношение представителей этой интеллигенции к советской модернизации зависело от личного восприятия ее идеологии и практики.

Основанием для дифференциации является участие горской интеллигенции в деятельности властных структур. В 1920-е гг. ее можно разде-

*Мамсиров Хамитби Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.
E-mail: mamsirovhb @ mail.ru*

лить на три разных группы: 1) отвергнувших идею сотрудничества с большевиками; 2) индифферентно относившихся к ней; 3) избравших сложный путь вхождения во власть.

Главное внимание представителей *первой группы*, не принявших советской власти, эмигрировавших, обращалось на тяжелый путь самопознания, соотнесения судеб и перспектив горских народов и будущего их культур с большевистской модернизацией и мировыми модернизационными процессами, свидетелями которых они стали в эмиграции. Эта деятельность стала для многих горских эмигрантов основным смыслом бытия. Они активно дискутируют исторический контекст горских народов, результаты гражданской войны, перспективы развития полученной автономии. В центре их анализа стояли оценка стратегических целей, конкретных политических акций, предпринимаемых большевиками.

Ко *второй группе «шариатистов»* относились продолжившие работу при советской власти, отстаивавшие важность большего внимания к специфическим проблемам и особенностям этнических культур, демонстрировавшие критическое отношение к большевистской концепции и практике модернизации (Н. Катханов, М.К. Абаев, Т. Кашежев, С. Озроков, Т.А. Шеретлоков, А.К. Джабоев). Они имели достаточно прочную социальную базу, в первую очередь, среди аульских эфенди, обучавших детей в примечательных мектебе и медресе. Начало политики воинствующего атеизма привело к репрессиям против их самих и учительства аульских духовных школ.

Главное внимание большевики обращают на *ту часть интеллигенции (интернационалистов)*, которая охотно примкнула к ним. Многие из них (У. Алиев, Б. Калмыков, И.А.-К. Хубиев) были знакомы с партийными руководителями верхнего уровня (В. Лениным, И. Сталиным, Г. Орджоникидзе), пользовались их поддержкой и покровительством. Они составили партийный «костяк» новой бюрократии, активно участвовавшей в строительстве северокавказских автономий. Большинство сделали искренние ставки на новую власть, стремились освоить большевистскую теорию и практику модернизации.

В процессе формирования советской административно-политической элиты на Северном Кавказе «в первую очередь были подготовлены специалисты в области народного образования и сельского хозяйства. Впоследствии из их среды вышли руководители партийных, советских органов и сельскохозяйственных предприятий»². Эти особенности важны для понимания проблемы встраивания новой профессиональной интеллигенции в общественно-политический и идеологический контекст большевистской модернизации.

Эти же особенности подтверждает и специализация учебных заведений во Владикавказе к концу 1920-х гг.: Горский пединститут, сельхозинститут, филиалы Практической сельхозакадемии имени Андреева, педрабфак, сельскохозяйственный, кооперативный, политехнический, финансово-экономический и медицинский техникумы³. Специализация «горских» учебных заведений раскрывает социопрофессиональные, но не этнокультурные потребности советских модернизаторов.

Советская власть формально использовала в процессе подготовки новой, «своей» интеллигенции этнокультурный аспект. Ей нужны были новые кадры из «националов». Она предопределила и тип руководителя, учителя по профессии, как наиболее эффективный в конкретных социокультурных обстоятельствах, органичный авторитарному духу советской модернизации. Большевики выстраивали собственную стратегию модернизации, используя имеющиеся социокультурные и социопрофессиональные ресурсы традиционного общества.

В 1921 г. после принятия X съездом РКП(б) сталинской программы модернизации, Главпрофобр РСФСР расценил дореволюционный опыт подготовки национальных педагогов как приемлемый «для распространения христианства и обрусения своих сородичей»⁴. Признавалось, что такие учебные заведения «прорубали окно в Европу» сквозь «непроницаемую стену тьмы и невежества», «дали первых разрушителей средневекового быта» и дали до революции образование и профессию учителя практически всем руководителям автономий (У. Алиев, Б. Алборов, М. Энеев, З. Валидов, М. Султан-Галиев и др.). Революция «еще больше увеличила» их «особое значение». От учебных заведений ждали теперь подготовки «не только учителей для советских национальных школ, но и руководителей национальной молодежи, умеющих дать ответы на все вопросы»⁵, «превращения в культурные центры, опорные пункты для просветительной работы [среди] данной национальности», соединения их деятельности с «научной и педагогической мыслью», исследующей «бурную культурную жизнь»⁶.

Но работа в педагогических учреждениях должна была «проводиться в свете марксистского миропонимания»⁷, а сами они обязаны были стать *центром национальной культуры, привлекать и объединять всех культурных работников данной национальности*⁸. Особое внимание к ним диктовалось ставкой на активное использование горского учителя на общественной работе и идеологических кампаниях.

Учителей бросают на исполнение несвойственных им функций. Именно в 1920-е гг. началась

практика их использования как “многостаночников”, которая мешала развитию профессионализма самого учителя, но сохранилась до конца советского периода. В 1933 г. по 1 общественной нагрузке имели 24% учителей северокавказских автономий, по 2 – 20%, по 3 – 18%, по 4 и более – 33%. Кроме того, многие учителя руководили комсомольскими и партийными ячейками⁹.

Сообразно целям, создавались и учебные заведения. Так, Ленинский учебный городок (ЛУГ) в Нальчике стал “интегральным типом учебного заведения по подготовке национальных советских, партийных и культурных работников” и вполне соответствовал целям советской модернизации. Учитель обязан был формировать у школьников представления власти о том, кто для населения “свой”, а кто – “чужой”, чтобы вызвать классовую ненависть к предателям рабочего класса и трудящихся¹⁰.

На деле программы обучения учительства были “недостаточно увязаны с классовой борьбой в национальных областях”¹¹. Учителя Кабардино-Балкарии пожаловались в газету “Ленинский путь”, что их непомерно “облагают” нагрузками, “принуждают агитировать” и “организовывать колхозы”. Их обвинили в “склочничестве”, “бузотерстве”, и “оппортунизме”¹², слабом знании сущности истмата, в том, что они не разоблачают “сущности идеализма и правооппортунистические ошибки т. Бухарина” (так в документе – Х.М.)¹³.

“Перегрузка” мешала учителю вникнуть в содержание постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. “Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе”, имевшего прямое отношение к их профессиональной деятельности¹⁴. Горский учитель “сам не всегда мог объяснить цели и задачи социалистического строительства”¹⁵.

До 1929/30 г. педагогами коренизированных школ работали в основном выпускники совпартшкол, ликпунктов и ликбезработники, а также старые работники, как правило, учителя бывших духовных школ (медресе)¹⁶. Зачастую они оказывались единственным связующим звеном между советской властью и населением. К 1930 г. среди “3347 учителей 7 автономных областей националов насчитывается лишь 2100”, т.е. “многие учителя не владеют национальными языками”, что влечет существенный “отсев учителя из национальных школ”¹⁷. Местные руководители, тем не менее, форсировали подготовку и переподготовку кадров и призывали относиться “бдительно” к тем, кто, остается приверженцем “идеалистических псевдомарксистских и буржуазных течений”¹⁸.

План приема в вузы и рабфаки Адыгейского облоно на 1927 г. в количестве 1928 человек, а в

1928 г. – 2380 человек не был подкреплён достаточными кредитами. Из молодых людей “почти никто не был в силах обучаться на свои средства, и сильно тянулись в партшколы и рабфаки”¹⁹.

Всесоюзное партсовещание (1930 г.) по вопросам народного образования заявило, что нужен тип педагога – “воинствующего материалиста-диалектика, активного борца с проявлениями чуждой нам идеологии в культурной работе”²⁰. На первый план выходили не собственно культурные, а “классово-политические задачи национально-культурного строительства”.

Массовое учительство, выходцы из мелкобуржуазных слоев или из духовной среды, было подвержено “влиянию чуждой идеологии” “с непониманием перспектив национально-культурного строительства”²¹. К национальным же учителям предъявляли высокие требования: “понимать ленинскую национальную политику”, быть “активным интернационалистом и атеистом”, владеть “богатствами национальной культуры”²².

Незнание учительством “задач индустриализации страны” и “коллективизации” расценивалось как проявление его низкой квалификации²³. Предлагалось срочно преодолеть низкие “темпы развития сети педагогических учебных заведений”²⁴. Но погоня за “идеологическим” соответствием кадров приводила к снижению уровня их профессионализма²⁵.

После XII съезда и IV партсовещания Агитпропотдел ЦК принял решение “обеспечить достаточное количество мест для коренного населения” в рабфаках вузов нацобластей с “преподаванием на соответствующих языках”²⁶.

В КБАО в 1924 г. предложили новаторскую идею о создании “института так называемых шестерок”. Метафора оказалась весьма символической. Обком партии в каждом селе “вербовал по 6 молодых людей из бедняков для подготовки председателя сельского совета и секретаря, секретаря ячейки партии, секретаря ячейки комсомола, кооперативного работника и учителя”²⁷. С 1924 г. ЛУГ начал готовить таких “шестерок”²⁸. С началом коллективизации “шестерки” стали основой создания в КБАО дружин по выявлению нарушений в ее проведении²⁹.

Появляются и специализированные учебные заведения: университет имени Я.М. Свердлова, Коммунистический университет народов Востока, Институт востоковедения, Институт национальных культур советского Востока, горские институты в Ростове, Владикавказе, Баку, совпартшколы в каждой автономии. В них получили образование многие руководители различных уровней северокавказских автономий.

Однако в 1928-1929 гг. на Северном Кавказе среди 178 студентов по сельхозспециальностям

высшей и 480 – средней квалификации обучались соответственно только 7 и 31 горцев. Педагогов с высшим образованием вовсе не оказалось, а из 7563 педагогов края со средней квалификацией горцы составили всего 27,2%³⁰.

К статданным о “громальных” успехах в деле ликбеза, проведении всеобщего, подаваемым “наверх”, следует относиться с осторожностью, потому что в последующем численность подлежащих вновь обучению, никак не уменьшалась. Это стало родовой чертой советского строя. О приписках и неточностях хорошо была информирована и Москва³¹.

Специфика требований к специалистам была понятна населению, оно предпочитало специализации, подальше отстоящие от идеологических задач. Декабрьский (1930 г.) пленум Северокавказского крайкома по вопросам кадровой политики констатировал, что “национальный разрез плана был явно недоработан”, и его предстояло “сдвинуть с мертвой точки”³².

Целью политики коренизации декларировалась создание новых национальных кадров для всех “народов СССР”. На самом деле, власть поддерживала крупные индустриальные центры региона (Грознефть, Севкавцинк), приносившие реальные доходы в госбюджет, а “большинству нацобластей приходилось только создавать пролетарские кадры из коренных национальностей”³³.

Установка партии на “комплектование вузов края горскими национальностями” к концу десятилетия, как она сама себе представляла, “начала приносить результаты”. На деле же в 1931 г. в сельхозвузы Северного Кавказа из 1007 студентов поступили только 15 карачаевцев, 6 адыгейцев, 2 балкарца, 35 кабардинцев и 12 черкесов³⁴. Большинство из них обучались в Горском сельхозинституте, готовивший кадры общей квалификации. Их позднее легче было использовать на “руководящей” работе. Однако их не могли дополнять “узкие” специалисты из коренного населения, ввиду их отсутствия. Этими специалистами становились представители других национальностей. Они обладали более точными знаниями, что делало позицию руководителя уязвимой с точки зрения принятия профессионального решения. Так закладывалась возможность трансформации профессионального конфликта в межэтнический, что в традиционном обществе, в котором земля является главным жизненным ресурсом, и в условиях формально автономной территории делало конфликт политическим.

В резолюции пленума национальной комиссии Северокавказского крайкома “О наборе в вузы, совпартшколы и другие учебные заведения” от 28 ноября 1927 г. отмечен “недостаточный культурный уровень” абитуриентов. В других же до-

кументах без достаточных на то оснований утверждалось, что “прошлые годы создали уже достаточные кадры грамотной на родном и русском языках горской молодежи”³⁵. В целом, эти противоречия отражают реальное положение традиционного горского населения, неумение его вписаться в городскую жизнь, недостаточный уровень школьной подготовки для обучения в вузе³⁶.

В 1928 г. автономии остро нуждались во “врачах, агрономах, инженерах, экономистах, учителях”. От вузов требовали выпускников “своих национальных отделений”, но на деле они были “не способны к серьезной работе”³⁷.

Решение проблемы виделось лишь в “перестройке партработы в учебных заведениях и общежитиях”, в “интернациональном воспитании” студентов. Для горца-студента главной была тяжелейшая социокультурная и психологическая проблема, а вовсе не классовая, как считали партийцы. Этим объясняется огромный процент отсева студентов, они бежали и возвращались в родной аул³⁸. Этим же объясняется разницей в фактических цифрах обучавшихся студентов, ибо работал постоянный конвейер их “выдвижения” на учебу, но, увы, зачастую, вхолостую.

Нет спора, многие задачи, которые ставил советский строй, были далеко не тривиальны. Среди них – задача создания человека с принципиально иной трудовой мотивацией. Но даже протестантской Европе, как писал М. Вебер, понадобилось на решение этой задачи триста лет³⁹.

XII партсъезд поставил задачу максимально заполнения советского аппарата местными крестьянами, вытесняя “оттуда чиновников (аксакалов, волостных управителей), вовлекая честных и деловитых беспартийных”⁴⁰, устраняя работников, уличенных как в “русском шовинизме и непонимании национального вопроса, так и в местном национализме”⁴¹.

30 декабря 1924 г. бюро Северокавказского крайкома рассмотрело вопрос о распределении в Карачаево-Черкесской АО средств, выделенных центром, и обстоятельства “борьбы между крестьянской и дворянской группами среди черкесских работников”⁴². Он положил начало “курсу на поддержку крестьянства при подборе руководящих работников в областном центре и на местах, снятие с ответственных постов представителей дворянства”⁴³.

С развитием политики коренизации началось систематическое обучение служащих советского аппарата повышению их квалификации на родном языке. Пришло, наконец, и осознание того, что на плечах одного учительства далеко не уедешь.

В 1929 г. Северокавказский крайком ВКП(б) принял в первую очередь 3-летний план коренизации советского аппарата⁴⁴ по “вовлечению масс

беднейших слоев... в управление государством и развертывание демократии в ее социально-классовом существе” и созданию “приводных ремней”, связывающих партию с массами⁴⁵. Северокавказский крайисполкомом 12 марта 1929 г. установил сроки проведения и механизм его реализации, “персональную ответственность Крайнацсовета, “краевых ведомств и организаций”⁴⁶. Проводились курсовые обучения. Отметим любопытный факт, когда в 1930 г. в КБАО более 50 % должностей заняли путем выдвижения на массовых собраниях⁴⁷.

Однако “выдвиженцы-националы” в силу малограммотности на родном языке и низкой зарплаты уходили с работы. Благодаря “выдвижению”, в 30 кабардинских сельсоветах уровень коренизации достиг к 1930 г. 51,7%, в 13 балкарских селах – 59,1%. Таким образом, задача коренизации “советских учреждений”⁴⁸ как важнейшего фактора “быстрого экономического и культурного развития” оставалась еще достаточно актуальной.⁴⁹ В КБАО эту работу хотели завершить за 3 года, в Адыгейской АО – за 5-10 лет⁵⁰. Местные руководители признавались, что “темпы коренизации отстают от темпа соцстроительства”⁵¹.

Сводки “наверх” в 1930 г. настолько противоречивы, что вызывают недоверие. С одной стороны, они уверяют о том, что уже “выкованы значительные кадры активистов из пролетарских элементов национальной деревни”, которые “получили большой опыт классовой борьбы в ходе революционных реформ”⁵². С другой стороны, констатируется, что работа продвигалась с трудностями, потому что параллельно велась “чистка совпарата и выдвижение на места вычищенных националов”⁵³. “Вычищенные” места замещали представителями “бедняцкого-средняцкого актива”.

Помимо влияния этической стороны дела и специфики горского менталитета (“доносителей”, то есть тех, кто стремился “подсидеть” и сделать на этом карьере, не уважали), многие просто боялись занимать освободившиеся вакансии. Люди руководствовались не партийными указаниями, а здравым смыслом. Никто не хотел отвечать за чужие ошибки.

В результате “чисток” оказалось, что ответственных работников, не владеющих родным языком, в Адыгее в 1930 г. насчитывалось 20%, Черкесии – 60%, Карачае – 70%. При этом процент работников из коренного населения по национальным областям в советском аппарате “за 2 года значительно повысился. В Черкесии – 46%, в Кабарде – ответработников – 80%, ...в Карачае – 51%”. Но и прикрываясь этими высокими процентами, нельзя было скрыть того, что дело идет “более удовлетворительно по двум группам: по группе ответработников и по груп-

пе низшей квалификации (уборщицы, сторожа, конюхи и т.д.)”⁵⁴.

По-видимому, на места “вычищенных” приходили не крестьяне, ибо они не знали родного языка. В аппарат шли работать карьеристы, готовые исполнять любые приказания. У аппаратчиков же, работающих непосредственно с населением, коренизация “проходит очень слабо”, спецкурсы по повышению квалификации приходится реорганизовывать в “курсы ликбеза”, ибо неграмотность достигает до 70%, что “сказалось на количестве и качестве полготовки кадров”. У “выдвиженцев”, доля “отсева... в период учебы достигала от 20 до 50%”, а “по своей подготовке они до 50% не соответствовали прямому назначению”⁵⁵. Не удивительно, что и в 1932 г. “советский аппарат в ауле работает на непонятном колхозникам-горцам языке”⁵⁶.

К началу 1930-х гг., как видим, начинает складываться принципиально иной тип руководителя-национала, отличающегося и от Сиюхова, и от Алиева, и от Хубиева, и от Энеева.

Возникает вопрос, а что же понимали простые горцы в происходившем вокруг них и с ними самими. Высказывания и сомнения “кулацко-мульских элементов”, указывающих на поспешность принимаемых и реализуемых модернизационных мероприятий советской власти, начинали сказываться и на вовлечении “новой” интеллигенции в идеологический и политический контекст модернизации. Властью же они расценивались как “классовая борьба вокруг коренизации”, как “безуспешные попытки” помешать ей.

Пренебрегалось и позицией местных профсоюзов, “почти никакого участия” не принявших в “разъяснении целей и задач коренизации”, относившихся к ней отрицательно⁵⁷. Не удивительно, что и “часть аулсоветов”, т.е. та самая местная советская власть “стоит в стороне от важнейших задач социалистического строительства”⁵⁸.

Эмиграция отмечала, что власть “охотно направляет северокавказскую молодежь в школы, утверждающие коммунистическую идеологию, но не дающие полезных технических познаний”⁵⁹. Например, из забронированных в вузах и техникумах “400 мест для ЧАО”⁶⁰, удалось заполнить в педтехникуме только 270 мест. К концу года в нем осталось 52 учащихся, а выпущено всего 2 “национала”⁶¹. Для КБАО в 1930 г. на рабфаке имени Молотова было выделено по разверстке 20 мест, а принято только 4 человека⁶². Такова эффективность ставок на партийно-классовый подход. Однако это и важнейшие свидетельства отношения горцев к проводившейся модернизации, их активности. Тем не менее, усиливаются требования “беспощадно очищать” “национально-культурный участок соцстроительства” “от национал-

шовинистических контрреволюционных элементов, выдвигая на их места рабочих, батраков”⁶³.

Северокавказское бюро крайкома ВКП(б) 30 мая 1930 г. создает специальную комиссию по “подбору учащихся, в вузы и втузы, техникумы и рабфаки, обратив особое внимание на их социальный состав”, пресечение “проникновения чуждых элементов”. Все обкомы несли ответственность “за каждого неправильно отобранного учащегося”⁶⁴.

Но результаты обескураживали. Если к 1 июля 1931 г. в Горском пединституте из 357 студентов рабочее происхождение имели 46,7%, то к 1 ноября их осталось только 25,7%. Численность студентов из крестьян соответственно снизилась с 28,8% до 13,6%, а студентов из служащих, напротив, возросла с 22,1% до 34,1%⁶⁵. Студенты в массовом порядке не возвращались после летних каникул и использовали любой повод, чтобы прервать обучение.

Попытки власти умножить “рабоче-батрацкую прослойку” за счет сельхозрабочих, сталкивалась с их же политикой коллективизации. Студенты, не адаптировавшиеся к новой социокультурной среде, не видели смысла в обучении, в преобразовании себя в идеологический отряд новой власти, безжалостно проводившей коллективизацию среди их родителей.

Местным же руководителям ничего не оставалось делать, как заполнять учебные места выходцами из служащих. Аулсоветы направляя в вузы и техникумы, выдавали справки о том, что молодые люди - “бедняки”, “круглые сироты”, а на самом деле, принятые были “чуждым элементом (сын полковника, дочь муллы, сын кулака)”⁶⁶.

Родители при угрозе раскулачивания, выслоек всеми правдами и неправдами спасали своих детей, пряча их в стенах учебных заведений, прикрываясь липовыми справками. Студентов же в вузах обрабатывали пропагандой, суть которой составляла классовая борьба с их родителями.

Положение с подготовкой кадров на Северном Кавказе оценивалось как “угрожающее”, отмечалась “засоренность учительства на 10-12% социально-чуждыми элементами”. Хотя в каждой автономии работали педтехникумы, “количество их выпускников снизилось”. В вузах “национальный состав учащихся продолжает оставаться низким”, в Горском сельхозинституте горцев было 12%, в горских рабфаках – 50%. Программы и учебные планы “не приспособливаются к уровню слушателей”, и за десятилетие учебные заведения, за исключением нескольких осетин и ингушей, не выпустили ни одного горца⁶⁷.

В 1920-е годы политическая линия и поведение власти были противоречивы. С одной стороны, создаются теоретические и политические

предпосылки для реализации модернизационной доктрины. С другой стороны, первые практические итоги заставили внимательнее присмотреться к человеческим ресурсам, вести более адекватную политику, часто импровизационную, учитывать ограниченность средств на фоне дискуссий о существовании модернизации в форме строительства социализма. Не было соответствующих интеллектуальных сил. Лидеры в автономиях отражали разный смысл и цели модернизации.

Концепция перемен затрагивала людей, их изменение планировалось осуществлять посредством внешних факторов и проникновения во внутренний мир. Изменения сводились к политическим действиям, образовательному эффекту, предусматривавшим внедрение “сверху” новых взглядов на мир и смысл жизни, систему ценностей, убеждения и поведение.

В 1920-е гг. часть интеллигенции, связавшая себя с понятиями “новое”, “прогресс”, была востребована модернизируемым обществом. Обязательность исполнения решений высших партийных органов потребовала от горской интеллигенции переоценки друзей и врагов, норм и порядков, образа жизни. Многие делали это искренне. Большевики выстраивали стратегию и тактику политических действий, используя существующие социопрофессиональные ресурсы традиционного общества, прежде всего, учительство, профессионально близкое авторитарному характеру действий.

Однако с конца 1920-х гг. начинается политика “наступления социализма по всему фронту”. Для части интеллигенции, “интернационалистов”, возникает серьезная дилемма. Вхождение большинства их в структуры власти после гражданской войны имело побудительный мотив: они надеялись использовать автономию как возможность “встроить” национальную отличительность в общий ход модернизации. Автономия делала надежду реалистичной. Гарантией виделось занятие ответственных постов, что заставляло интеллигенцию в поисках образцов “нового добра” относиться к прошлому народов как к “бывшему злу”. Но если “шариатисты” изначально скептически относились к большевистской модернизационной доктрине, то к концу 1920-х годов и “интернационалисты” обнаружили если не ее несостоятельность, то трудности реализации.

Деятели 1920-х годов осваивали новые идеи, представления о новой жизни, придавая им “национальную” интерпретацию в практической работе Яркой “лакмусовой бумажкой” стала коллективизация. Центр понимал, что интеллигенция, пришедшая в революцию, выравнивая, по мере сил, культурный ландшафт сложного

региона, исчерпала ресурс. Для создания нового человека она становится не нужной и с конца 1920-х гг. выводится из политического контекста. Неудовлетворительные результаты подготовки новых специалистов к концу 1920-х гг. власть возмущают, но не смущают. Она настойчиво возвращает новую популяцию элиты с принципиально иным менталитетом. Выстраивается новая образовательная система, начинающая пропускать через себя “кадры” советской интеллигенции.

В советской модернизации им было отведено место “специалистов”, реализующих знания в рамках принятой партией концепции модернизации, проводящих изучение населения с помощью “марксистско-ленинской методологии”, “партийной классовой бдительности”. Новая элита начинает занимать места прежней на верхушке социальной лестницы. Перед нею ее создателями не ставится проблема национально-го как отличительного.

Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.”

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. С.7.
- ² Нансо Д.А. К вопросу о формировании национальной интеллигенции // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. Материалы межрегиональной научной конференции (10-11 апреля 1998 г.). В 2 ч. Ставрополь. Ч.1. 1998. С.128.
- ³ Люстиг. Вовлечение горцев в вузы и техникумы // Просвещение национальностей. 1931. №10. С.51.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем – ГАРФ). Ф.1565. Оп.11. Д.168. Л.3.
- ⁵ Там же. Л.3.
- ⁶ Там же. Л.8.
- ⁷ Там же. Л.6, 8.
- ⁸ Там же. Оп.2. Д.45. Л.5.
- ⁹ Фирсов Н.Д. Горский учитель и его подготовка // Коммунистическое просвещение. 1934. №4. С.100.
- ¹⁰ Шульман Р. Место педагогической практики в системе высшей национальной педшколы // Просвещение национальностей. 1932. №10. С.18.
- ¹¹ Люстиг. Указ. соч. С.53.
- ¹² Разные известия // Горцы Кавказа. 1932. №30. С.33.
- ¹³ См.: Люстиг. Указ. соч. С.53.
- ¹⁴ Правда. 1932. 29 августа. С.1.
- ¹⁵ Фирсов Н.Д. Горский учитель и его подготовка // Коммунистическое просвещение. 1934. №4. С.100.
- ¹⁶ Там же. С.101; Национальный архив республики Адыгея (в дальнейшем – НАРА). Ф.Р.4. Оп.1. Д.164. Л.106.
- ¹⁷ Рахимбаев А. Подготовка педкадров для национальной школы // Просвещение национальностей. 1931. №4-5. С.9.
- ¹⁸ Давыдов И. О национальных языках в вузах // Просвещение национальностей. 1931. № 4-5. С. 11.
- ¹⁹ Стенографический отчет II краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов

- Северокавказского края. 16-23 июня 1925 г. Ростов-на-Дону, 1926. С.107; НАРА. Ф. Р.1. Оп.1. Д.60. Л.27-29.
- ²⁰ Цит. по: Иванов А.Ф. Педагогические кадры массовой национальной школы. М., 1932. С.10.
- ²¹ Там же. С.25, 27.
- ²² Грен А.Н. Об отделениях национальных меньшинств в высших учебных заведениях // Научный работник. 1928. №3. С.21.
- ²³ Там же. С.27.
- ²⁴ Гасилов Г. Указ. соч. С.32.
- ²⁵ “Буржуазные националисты” в Карачае и Черкесии // Северный Кавказ. 1937. №35. С.29-30.
- ²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (в дальнейшем – РГАСПИ). Ф.17. Оп.84. Д.485. Л.69.
- ²⁷ Ямушкин В. Народный учитель Кабардино-Балкарской АО и система повышения его квалификации // Просвещение национальностей. 1934. №2. С.52.
- ²⁸ Там же. С.52.
- ²⁹ “Социалистическая” действительность в “социалистическом отечестве” // Горцы Кавказа. 1932. №30. С.32.
- ³⁰ Корнев К.Н. Кадрам национальных областей максимальное внимание // Революция и горец. 1932. №5. С.41; ГАРО. Ф.2443. Оп.2. Д.2912. Л.35.
- ³¹ См.: Торнили Д. Подъем и падение советских деревенских коммунистических организаций. 1927-1939. Лондон. 1988.
- ³² Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО) Ф.2443. Оп.2. Д.2912. Л.34-35.
- ³³ Оширов А. Коренизация в советском строительстве // Революция и национальности. 1930. №4-5. С.110.
- ³⁴ Корнев К.Н. Указ. соч. С.43.
- ³⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (в дальнейшем – ЦДНИРО). Ф.7. Оп.1. Д.49. Л.36.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Саар Г.П. К вопросу об отделениях национальных меньшинств в высших учебных заведениях // Научный работник. 1928. №11. С.33.
- ³⁸ Саар Г.П. Указ. соч. С.32; НАРА. Ф. Р.1. Оп.1. Д.65. Л.263; Государственный архив Карачаево-Черкесской республики. Ф. Р.24. Оп.1. Д.13. Л.32.
- ³⁹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное. М., 1990. С.170-252.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.84. Д.485. Л.74.
- ⁴¹ Там же. Л.75.
- ⁴² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д.25. Л.150.
- ⁴³ Там же. Л.155.
- ⁴⁴ Там же. Д.874. Л.11.
- ⁴⁵ Оширов А. Указ. соч. С.110.
- ⁴⁶ О проведении коренизации в нацобластях // Революция и горец. 1931. №9. С.68-69.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф.1235. Оп.125. Д.118. Л.24.
- ⁴⁸ Там же. Л.25.
- ⁴⁹ Там же. Л.1.
- ⁵⁰ Там же. Л.68 об.
- ⁵¹ Там же. Л.69.
- ⁵² Оширов А. Указ. соч. С.112; ГАРФ. Ф.1235. Оп.125. Д.118. Л.69 об.
- ⁵³ Там же. Л.4.
- ⁵⁴ Саламатин М. Дать решительный отпор оппортунистам, срывающим подготовку национальных кадров и проведение коренизации в Черкесии // Революция и горец. 1933. №6-7. С.79.
- ⁵⁵ Тюняев А. Коренизация аппарата в нацобластях // Революция и горец. 1932. №8-9. С.45.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф.1235. Оп.125. Д.118. Л.5 об.

- ⁵⁸ *Сабитин В.* Вопросы коренизации аппарата поставить в центре внимания // Революция и горец. 1931. №5. С.66.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф.1235. Оп.126. Д.9. Л.28.
- ⁶¹ *Люстиг.* Указ. соч. С.52.
- ⁶² *Рахимбаев А.Р.* Национально-культурное строительство на современном этапе // Революция и национальности. 1930. №8-9. С.107.
- ⁶³ *Иванов А.Ф.* Педагогические кадры массовой национальной школы. М., 1932. С.37.
- ⁶⁴ *Горемыкин Г., Симонов П.* Первый национальный педвуз в РСФСР // Просвещение национальностей. 1933. №1. С.32.
- ⁶⁵ *Люстиг.* Указ. работа С.52.
- ⁶⁶ *Матецкий В.А.* Художественная культура. Власть. Большевики. 1917-1941 гг. Ростов-на-Дону, 1994. С.81.
- ⁶⁷ *Феоктистов Н.* Литературные организации Северного Кавказа // Революция и национальности. 1934. №6. С.38.

PROBLEMS OF SOVIET ADMINISTRATIVE AND POLITICAL ELITE FORMATION IN NATIONAL AUTONOMIES OF THE NORTHERN CAUCASUS IN 1920s

© 2010 Н.М. Мамсиров

Kabardino-Balkarian State University named after Н.М. Berbekov, Nalchik

This article is on difficulties in realization of soviet model modernization, identification of expenses and mistakes in direct-feedback formation of ethnic, regional and unification when training administrative and political elite in North-Caucasian autonomies in 1920s.

Key words: modernization, personnel, education, intelligentsia.